самый полный в нашей литературе анализ содержания и смысла литературной деятельности Тредиаковского в 1730-е годы. Самостоятельное и историко-литературное значение имеют также обзор песенного творчества Сумарокова и его последователей в главе третьей (с. 104—112), анализ отношения Ломоносова к религии в главе пятой (с. 198—205), введенная в главу шестую характеристика политических позиций сумароковского журнала «Трудолюбивая пчела» (с. 242—251).

Наконец, очень богаты информацией примечания, занимающие около 40 страниц этой книги. Они часто представляют собой программу будущих исследований, а не просто сводку литературы и указаний на источники.

Книга «Ломоносов и литературная полемика его времени» писалась в переломную для нашей науки эпоху, в период острой борьбы с вульгарным социологизмом.

Следы такого рода чрезмерной социологизации есть и в трудах П. Н. Беркова. И не для того мы вспоминаем о них, чтобы упрекнуть автора. Но чтобы указать, как он, вопреки вульгарно-социологическому воздействию, не скрывал своего интереса к личностям русских писателей, к их индивидуальным судьбам, характерам, склонностям. И сейчас нас поражает своей тонкостью итоговая характеристика Тредиаковского, завершающая главу о нем: «Тредиаковский был неудачником и в жизни, и в литературе, и в науке. На него многие до сих пор смотрят сквозь морозные стекла лажечниковского „Ледяного дома“. Но есть и другая опасность, опасность слишком пристрастной положительной оценки. Едва ли нуждается Тредиаковский в подобной необъективной переоценке. И для читателя, и для истории литературы гораздо важнее знать Тредиаковского таким, каким он был: трудолюбивым эрудитом, умело использующим источники, настойчивым экспериментатором, но всегда противоречивым и не цельным» (с. 53).

А в заключении своей книги Павел Наумович, оправдываясь в «биографизме» (который тогдашние «методологи» считали самым страшным грехом), признается, что главных героев своей книги он всегда воспринимал как живых людей, а не как запыленные тома собрания сочинений. Он писал: «В работах, подобных настоящей, где делается упор на привлечение, систематизацию и интерпретацию частью известных, частью забытых, частью вовсе новых фактов, неизбежна опасность биографического уклона. Стараясь все время избежать греха биографизма, автор не может не признаться, что ни Ломоносов, ни Тредиаковский, ни Сумароков не были для него отвлеченными схемами, а представляли живые, реальные фигуры» (с. 286). И уже совершенно неожиданно звучит для нас признание исследователя о том, что Ломоносов «все же понятнее и ближе нам, чем „диковатый“ Тредиаковский и нервный, издерганный Сумароков» (с. 286).